

Э. Г. Соловьев

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Э. Г. Соловьев

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

МОСКВА

URSS

ББК 66.0 68
УДК 323.28

*Текст подготовлен при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06–03–00310а)*

Проект «Новые тенденции и явления в мировой политике»

Руководитель проекта — чл.-корр. РАН А. А. Кокошин

Соловьев Эдуард Геннадьевич

Трансформация террористических организаций в условиях глобализации.

М.: ЛЕНАНД, 2006. — 56 с.

ISBN 5–9710–0064–0

В кратком очерке российского политолога Э. Г. Соловьева рассматривается феномен современных террористических организаций в контексте процесса глобализации, новейших тенденций и явлений в мирополитической системе. Работа выполнена в рамках проекта «Новые тенденции и явления в мировой политике» (руководитель проекта — чл.-корр. РАН А. А. Кокошин).

Настоящая публикация предназначена для специалистов-международников, для преподавателей вузов соответствующего профиля, а также для всех, кто интересуется актуальными проблемами мировой политики.

Отпечатано в типографии ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

Подписано к печати 21.02.2006 г. Формат 60×90/16. Печ. л. 3,5. Зак. № 520.

ISBN 5–9710–0064–0

© Э. Г. Соловьев, 2006

© Факультет мировой политики

МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006

Оглавление

1. Глобализация и международный терроризм	4
2. Тенденции трансформации террористических организаций .	16
3. Террористические сети в начале XXI века: основные цели и принципы .	29
4. Проблемы межгосударственной кооперации в борьбе с терроризмом .	37

1. Глобализация и международный терроризм

Историческое время обладает одной примечательной особенностью. Ровный ход календаря далеко не всегда совпадает с логикой периодизации исторического процесса. Причем для инсайдеров, обитающих на переломе исторических эпох, это обстоятельство далеко не очевидно. Показателен в этом отношении пример XX столетия, которое, по мнению целого ряда историков, политологов и философов, началось значительно позже, а закончилось существенно раньше хронологически обусловленного рубежа (соответственно, в 1914 г. и в 1989 г. (как вариант – в 1991 г.)). Так что беспокойный XXI век по сути (в политическом, экономическом и историческом смыслах) стартовал несколько раньше своего календарного отражения. В самом деле, 1990-е гг. ознаменовались буквально тектоническими изменениями в мировой политике. Ялтинско-потсдамский миропорядок сверхдержав оказался разрушен. Окончание «холодной войны», развал СССР, более активный выход на международную арену неправительственных субъектов – все эти обстоятельства привели к существенной ревизии содержания и параметров национальной и международной безопасности. В частности, на первый план стало выдвигаться распространение новых трансграничных вызовов и угроз безопасности (терроризм, наркотрафик, организованная преступность, нелегаль-

ная иммиграция, разрушительные стихийные бедствия, экологические проблемы и т. д.). Происходящее заставляет во многом пересматривать традиционные подходы к транснациональным факторам в мировой политике и с большим вниманием относиться к их месту и роли.

В конце прошлого столетия в ряду наиболее серьезных новых угроз международному порядку неоднократно упоминались терроризм и войны с неким «врагом без границ»¹⁾. Однако, несмотря на наличие террористических организаций в самых разных странах мира, в том числе и на Западе, существующие риски и угрозы на протяжении многих лет оставались своего рода «бумажным тигром» и воспринимались вплоть до 11 сентября 2001 г. скорее как потенциальные. Терроризм, безусловно, существовал (достаточно вспомнить здесь деятельность ИРА, ЭТА, «Красных бригад» или ряда палестинских организаций). Однако его политическое значение оставалось достаточно ограниченным. Воздействие терроризма на определение тенденций глобального развития было минимальным. В политическом плане он являлся частью социально-политического ландшафта отдельных стран и регионов мира и не мог оказать серьезного влияния на международно-политические процессы в целом.

¹⁾ См.: *Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars. The Future of Terror, Crime and Militancy.* Santa Monica, 2001; *Arquilla J., Ronfeldt D., Zanunu M. Information-Age Terrorism // Current History.* Vol. 99. 2000. № 636. P. 179–185; *Countering the New Terrorism.* Santa Monica, 1999; *Hirschmann K. The changing face of terrorism // International Politik und Gesellschaft.* 2000. № 3. S. 299–310; *Laqueuer W. The new terrorism: Fanaticism and the arms of mass destruction.* N. Y., 1999; и др.

В этом смысле 11 сентября 2001 г. знаменовало собой не столько качественное изменение ситуации (тенденции трансформации как раз наметились гораздо раньше), сколько определенный водораздел в восприятии положения вещей в мировой политике. Масштабность задач террористической организации и характер террористической атаки, предпринятой «Аль-Каидой», подвинули даже ряд авторов к постановке вопроса о начале нового этапа мировой политической истории. С их точки зрения столь разрушительная террористическая атака могла быть интерпретирована в качестве начала своего рода «учредительной войны», способной скорректировать сами принципы функционирования системы международных отношений. Аналогом ситуации подобного рода выступали периоды Тридцатилетней войны (вызвавшей к жизни основные принципы Вестфальской системы), наполеоновских войн (положивших основание Венской) или Второй мировой (породившей Ялтинско-Потсдамскую). Существует, правда, одна оговорка — война с мировым терроризмом может положить начало иной, нежели современная, системе международных отношений только в том случае, если останется без адекватного ответа вызов, брошенный доминирующей державе и всем ведущим странам мира, выступающим гарантами упорядоченности «старой системы».

Нет сомнения, что явление миру феномена международного терроризма и актов мегатеррора напрямую связано с тенденциями развития системы международных отношений и эффектами глобализации. До последнего времени преобладающей в академических и экспертных кругах оставалась точка зрения, согласно которой возникновение феномена международного терроризма яв-

ляется следствием некой архаичной и асимметричной реакции на развитие тенденций и процессов глобализации со стороны мировых аутсайдеров. Это реакция неспособных вписаться в новые условия, преуспеть в рамках действующих правил игры сообществ и социальных сил. В западной редакции ситуация нередко интерпретируется как столкновение глобализирующихся мировых политических и социально-экономических процессов и новых институтов с мутировавшими традиционалистскими идеологиями и архаичными организационными принципами и практиками. Международный терроризм в данной интерпретации выступает своего рода деятельным отрицанием Запада и одновременно квинтэссенцией брутального (в некотором роде «бессмысленного и беспощадного», изоморфного луддизму) антиглобализма.

В рамках анализа проблемы международного терроризма оказались востребованными мотивы своего рода политической культурологии. В их числе приобретающая уже некое геокультурное и геополитическое значение проблематика «столкновения цивилизаций», порождаемого разочарованием, *ressantiment*'ом (в широком смысле слова) представителей исламского мира. Вспышка «супертерроризма» и акты мегатеррора связываются в этом случае прежде всего со стремлением представителей исламской цивилизации переломить неблагоприятные с их точки зрения тенденции развития мировой политики и мировой экономики посредством мощной религиозно окрашенной антиглобалистской риторики и актов разрушения символов современной западной цивилизации. «Ислам» и «исламская цивилизация» выступают здесь своего рода остаточными категориями, объясняющими все и вся — радикализм требований террористов, их

демонстративное пренебрежение доминирующими нормами и институтами, игнорирование ценности человеческой жизни и т. д.²⁾

Другой распространенный вариант объяснения феномена международного терроризма исходит из особой значимости ближневосточной политики стран Запада и палестинского фактора в его становлении. Поддержка Западом, в силу целого комплекса причин, архаичных авторитарных режимов (от Египта до Саудовской Аравии), а также безусловно произраильская политика США на Ближнем Востоке якобы привели к тому, что группы радикалов, требующих обновления ислама и одновременно возвращения к нормам шариата в повседневной жизни мусульманских стран, стали проецировать свой гнев на политическую элиту Запада и прежде всего на США. Иными словами, стремление нанести удар по Западу и тенденциям глобализации выступает оборотной стороной внутривнутриполитической борьбы в странах Ближнего Востока. В подобной интерпретации логика международных террористических организаций довольно проста и состоит в том, что победа внутри своих стран немислима без устранения западной поддержки соответствующих режимов. Главная цель террористов — заставить Запад дистанцироваться от проблем региона, которые в этом случае рано или поздно будут решены уже по сценариям, написанным приверженцами идеологии исламизма.

Отечественные авторы нередко также проявляют склонность к акцентированию антизападной направлен-

²⁾ Критику подобных «культурологических» подходов см., например: *Madami M. Whither Political Islam? // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. № 1. January/February.*

ности международного терроризма. Часть из них полагает, что антиизраильские настроения, подогреваемые перекосами глобализации, антиамериканизм и антизападнический комплекс вообще определяют лицо современного международного терроризма³⁾. Другие исходят из того, что «глобализация — это не процесс становления единой цивилизации, разделяющей пресловутые „общечеловеческие ценности“, а процесс экспансии „западной“ модели общества и приспособления мира к ее потребностям»⁴⁾. В этом смысле международный терроризм становится всего лишь одним из возможных проявлений своеобразной глобальной «гражданской войны», предвестником грядущего «реванша Юга» над благополучным, но угасающим в духовном, демографическом и ином смыслах Севером⁵⁾. При всем своеобразии интерпретаций связь международного терроризма и процессов глобализации прослеживается в отечественной литературе довольно четко⁶⁾. И в самом деле — ее трудно

³⁾ *Мирский Г. И.* Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // МЭиМО. 2002. № 3. См. особенно: С. 40–45.

⁴⁾ *Иноземцев В.* Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации // Космополис. Зима 2003/2004. № 4 (6). С. 46.

⁵⁾ Одну из наиболее алармистских трактовок см.: *Панарин А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.

⁶⁾ См.: Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003; Современный терроризм. Состояние и перспективы. М.: УРСС, 2000; и др. Редким исключением являются работы, вообще выходящие за пределы проблематики собственно терроризма и рассматривающие нынешнюю ситуацию как проявление одной из присущих «искусству войны» на всем протяжении мировой истории форм вооруженного противоборства (наряду с партизанской войной и конвенциональным столкновением вооруженных сил двух или нескольких стран) — диверсионно-террористической войны. См. об этом:

игнорировать. Так называемые «новые» международные террористические организации смогли на удивление легко освоиться в меняющемся мире с проницаемыми границами и размывающимся территориальным суверенитетом, усвоить принципиально новые приемы и методы организации, равно как и адаптироваться к стремительному развитию коммуникационных и информационных технологий. В этом плане они не только не архаичны на фоне полных бюрократической рутины государств, но и выглядят провозвестниками нового и передового организационного принципа в мировой политике, а именно — сетевой организации.

Глобализация как процесс постепенно приоткрывает не только свои позитивные, но и негативные стороны. Сопутствующие ей информационная революция и революционные технологические изменения позволили негосударственным субъектам играть существенно более заметную роль в международной политике. При этом возникновение новых субъектов действия далеко не всегда укладывается в рамки парадигмы формирования глобального гражданского общества, а нередко выглядит как подъем и активизация маргиналов в глобальном масштабе, *the rise of “global idiots”*⁷⁾. Один из ключевых вопросов современной мировой политики в этой связи состоит в том, способно ли в принципе государство оказаться в состоянии войны с неким негосударственным субъектом (например, террористической сетью)? По-видимому, разви-

Хрусталева М. А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // *Международный процессы*. 2003. № 2.

⁷⁾ *Simmons P.J.* Learning to leave with NGO's // *Foreign Policy*. 1998. Fall. № 112. P. 88.

тие сюжета с транснациональными террористическими сетями дает нам основания для утвердительного ответа на этот вопрос. Причем вопреки устоявшемуся мнению подобный вывод основывается не только на анализе событий «антитеррористической войны», начатой Соединенными Штатами против «Аль-Каиды» осенью 2001 г., или громких заявлений ее главы У. бен Ладена о «войне с крестоносцами», но и исходя из роли и места транснациональных акторов в конфликтах на постсоветском пространстве, – в частности, в Средней Азии и в Чечне. Если это так, если мы действительно имеем дело с феноменом «разгосударствления» войны, то данное обстоятельство реально означает существенный поворот в эволюции международных отношений, мировой политики и, возможно, наиболее чувствительный удар по принципу государственного суверенитета. Метафора «нового средневековья», запущенная в научный оборот в середине 90-х гг. прошлого века целым рядом западных авторов⁸⁾, в некотором смысле перестает быть лишь метафорой.

Представление о том, что войны ведутся только между государствами, является по историческим меркам относительно недавним. Монополия государства на войну как на один из инструментов внешней политики была утверждена не ранее середины XVII в. (Вестфальский мир, положивший начало государствоцентристской системе международных отношений). С этого момента

⁸⁾ См. об этом: *Guehenno J.-M.* The End of the Nation-State. Minneapolis, 1995; *The State in Transition: Reimagining Political Space.* Boulder, 1995; *Kobrin S. J.* Back to the Future: Neomedievalism and the Post Modern Digital World Economy // *Journal of International Affairs.* 1998. Vol. 51. Spring. № 2; *Matthew R.* Back to the Dark Age: World Politics in the Late Twentieth Century. Washington, 1995; и др.

война как концепт, как понятие стала немыслима без ее государственно-территориального измерения. Одновременно именно с этого момента термин «международные отношения» употребляется в строгом, узком его смысле — применительно к отношениям межгосударственным.

Достигнув пика к середине XX в., ныне эта система межгосударственных отношений вступила в пору серьезной трансформации. В основе этого процесса лежит целый комплекс причин. Так или иначе, но тенденция к изменению содержания и в некотором смысле к размыванию государственного суверенитета в глобальном масштабе ныне выражена предельно очевидно. В рамках трансатлантического ядра современных международных отношений во все возрастающей степени потоки ресурсов, информации, загрязнений циркулируют и оказывают непосредственное влияние на экономику, политику и культуру различных политических сообществ, так сказать поверх политических границ, обесценивая значимость института государства и лишая его существенных прерогатив. Глобализирующаяся мировая экономика, международные стандарты поведения и интервенционистские практики ведущих мировых держав оставляют все меньше места неприкосновенности национального суверенитета. А после террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон становится очевидно, что даже самые могущественные в военно-политическом отношении державы не в состоянии выполнить одну из центральных функций государства — обеспечить безопасность собственных граждан.

Одновременно значительная часть государственных образований Азии, Африки, Латинской Америки, а также Балканского полуострова составляют группу так называе-

мых «неудавшихся» государств. Они не способны контролировать собственные границы и территорию, обладают неэффективным аппаратом управления, не в состоянии гарантировать социального воспроизводства населения и дееспособности правовой системы, а их «мощь» раздроблена между конкурирующими группами и кланами. Подобные образования отличаются низким уровнем жизни и составляют благоприятную основу для функционирования на их территории нелегальных организаций разного толка просто в силу коррумпированности элит и неспособности к самостоятельному решению даже самой насущной для подобного рода режимов проблемы — проблемы удержания власти, подавления вооруженного сопротивления внутри страны. В последнее время территория некоторых из таких государств (прежде всего, конечно, Афганистана, Йемена и Судана) стала местом базирования лагерей подготовки и структур управления террористических сетей.

Долгое время «неудавшиеся, несостоявшиеся» государства просто выпадали из поля зрения мировой политической элиты. Разумеется, высоколобые западные интеллектуалы время от времени посвящали им книги и статьи и с готовностью обсуждали на симпозиумах и конференциях в интерьерах фешенебельных курортов или в уютной атмосфере университетских городков проблемы присущего этим странам перманентного социального и политического кризиса, экономической деградации, голода и т. д. Однако подобными проблемами никто, кроме некоторых неправительственных организаций, не занимался всерьез. Между тем со временем становится все очевиднее, что «несостоявшиеся государства» выступают своеобразными территориями-изолята-

ми в рамках процесса глобализации. Обширные регионы Африки, а также целый ряд стран Азии как бы выпадают из мирового глобализационного процесса. Они не имеют никаких или почти никаких перспектив вписаться в него естественным и «легальным» путем (даже путем иммиграции в страны глобализированного ядра — это стало особенно очевидно после снижения потребностей развитых стран в импорте дешевой рабочей силы в 80–90-х гг. прошлого века). Парадокс состоит в том, что реально приобщиться к процессам экономической и политической глобализации они фактически могут только в рамках некой полулегальной или абсолютно нелегальной активности полукриминальных транснациональных структур и сетей. Подобное положение вещей, в свою очередь, создает комфортную среду обитания для возникающих международных террористических сетей.

При этом далеко не очевидно, что «неудавшиеся государства» (такие как Афганистан или Сомали, например) могут выступать некими «спонсорами» международного терроризма. Скорее, можно вести речь о государственных образованиях — реципиентах финансовых вливаний террористических сетей, способных подкупать местные элиты и спонсировать распространение на занятых ими территориях идей и ценностей, соответствующих их доктринальным установкам. Сети типа «Аль-Каиды» фактически выступают хозяевами подобных государственных образований, сохраняя экстерриториальность и полную свободу маневра.

Так, именно «Аль-Каида» примерно с середины 90-х гг. субсидировала ряд министерств в правительстве талибов, в то время как отряды хорошо подготовленных боевиков организации играли важную роль в ходе войны

Талибана с Северным альянсом за установление контроля над всей территорией страны. Снабжая талибов всем необходимым — от денег и боевиков до технических средств — «Аль-Каида» за несколько лет прошла путь от полезного союзника до явно наиболее влиятельной и даже доминирующей силы в Афганистане. Степень влияния «Аль-Каиды» позволяла оказывать почти неограниченное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Афганистана, не принимая на себя никакой ответственности за последствия собственных действий (т. е. демонстрируя свою полную экстерриториальность, не проявляя свойственного любому государству стремления к контролю территории, защите граждан и т. д.) и, соответственно, не утрачивая при этом свойств открытой сетевой структуры.

При сопоставлении ресурсов и возможностей «Аль-Каиды» и Соединенных Штатов сама мысль о возможной войне этих двух несоизмеримых величин может показаться абсурдной. Проблема однако в том, что «Аль-Каида» — это сетевая структура, не несущая никаких обязательств даже перед своими рядовыми членами, не ограниченная в выборе целей и средств, а США или любая другая страна мира — государство с широкими обязательствами как внутреннего (безусловное обеспечение безопасности собственной территории, граждан и т. д.), так и международно-правового плана, к тому же обремененное инерционно мыслящей бюрократией, не склонной к международному сотрудничеству и придерживающейся традиционных рутинных процедур при принятии и проведении в жизнь тех или иных решений. Определяющим моментом здесь выступает не несопоставимость потенциалов, а принцип организации.

2. Тенденции трансформации террористических организаций

Сети в широком смысле слова представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентированные на решение конкретных целей и задач из вполне автономных, иногда даже временных, коллективов с прозрачной легитимацией власти, децентрализацией ответственности, с горизонтальной (а не только вертикальной) направленностью связей и коммуникаций. Сети свободно связанных между собой равноправных и независимых участников как открытые структуры способны к неограниченному расширению путем включения все новых узлов, если те используют аналогичные коммуникационные коды (решают те же задачи и/или исповедуют те же ценности). Террористические сети представляют собой куда более подвижную и трудно уязвимую цель, нежели централизованные организации. Более того, сеть к тому же оказывается прекрасно приспособленной к инфильтрации в органы власти и управления, к коррупционным практикам и т. п., обладает большой устойчивостью и способностью к регенерации.

В рамках модели централизованной и иерархичной террористической организации второй половины XX в. можно было говорить о функционировании террористического подполья и более умеренного (менее радикального) крыла или о параллельном существовании политической партии или иной организации, призванной представлять более или менее четко артикулированные

идеи террористов внешнему миру. Типичным примером таких организаций выступают четко структурированные этнические террористические группы: Ирландская республиканская армия (ИРА), баскские сепаратисты (ЭТА) и др. Более или менее респектабельным «лицом» террористов выступали при этом соответственно Шинн Фейн и Эри Батасуна. При такой централизованной и управляемой напрямую структуре и наличии политического крыла имело смысл поддержание диалога с более умеренными элементами в руководстве организации, дабы избежать неконтролируемого насилия со стороны иерархически соподчиненных боевых групп. Безусловно, периодически в этих иерархичных организациях случались конфликты и расколы. И всегда существовала угроза, что в результате очередного раскола часть боевиков организации выйдет из-под контроля и начнет собственную вендетту с правительством. Однако в целом ситуация на протяжении длительного времени могла оставаться контролируемой.

Модель террористической организации второй половины XX в. предполагала наличие не просто идеологического центра, но и центра управления с боевой организацией при нем и вокруг него. Финансовые возможности подобных террористических организаций были при этом сравнительно ограниченными, а структуры управления относительно уязвимыми. Подобного рода организации действительно остро нуждались в спонсорстве — как в финансовом, так и в политическом. Такая поддержка могла быть оказана главным образом извне (обеспеченный тыл — территория, куда бойцы организации могли откатиться на отдых и пополнение, где располагались базы подготовки и т. д.). Несколько иначе обстоят дела с террористическими сетями.

В рамках сети выделить некое политизированное крыло оказывается практически невозможным, поскольку каждый из «узлов» самостоятельно и в значительной мере бесконтрольно со стороны центра корректирует свои программные установки и осуществляет те или иные акции устрашения и террора. Причем отсутствие прямой иерархической соподчиненности, «горизонтальный» характер связей является не дефектом, а неотъемлемым свойством сети, придающим ей дополнительную гибкость и устойчивость. Каждый из узлов сети практически полностью автономен. Все вместе они представляют собой своеобразную добровольную «коалицию участников». Так что даже выход из борьбы либо нейтрализация одного из узлов или даже ядра организации теоретически неспособны парализовать деятельность сети в целом.

Трансформация террористических сообществ в последнее время идет главным образом как раз по пути адаптации сетевых форм организации к потребностям террористических групп. Имеет место отход террористических организаций от иерархических и линейных моделей организации и переход к сетевым. Причем данная тенденция нередко проявляется даже в случаях с ранее вполне иерархичными организациями и структурами (типа Хизбаллы, или, например, возникающих при вполне традиционном и централизованном ФАТХе в качестве некоего аппендикса горизонтально интегрированных, построенных по сетевому принципу и способных подключиться к международной террористической сети «Бригад мучеников Аль-Аксы»).

Новая, сетевая модель террористической организации позволяет достигать большей конспиративности

и эффективности. Ее финансовые возможности в глобализирующемся мире оказываются самодостаточными (за совмещение легальных и нелегальных сделок с организацией террористической деятельности У. бен Ладена, например, называют даже «бизнес-террористом»). В связи с распространением информационных технологий у террористических организаций появляется возможность оперативно координировать любые акции отдельных боевых групп в планетарных масштабах. При этом идеологический центр может и не принимать непосредственного участия в подготовке и проведении конкретных боевых операций, ограничиваясь общим идеологическим руководством, финансированием и постановкой глобальных задач. Это обстоятельство создает впечатление своего рода фантомности организации в целом. Так, ряд авторов по сей день полагает возможным сомневаться в существовании «Аль-Каиды» как таковой и рассматривает ее лишь как элемент психологического и информационного воздействия на политические элиты и общественное мнение стран Запада, да и всего мира. На смену централизованным террористическим организациям, таким образом, приходят транснациональные сетевые структуры, состоящие из автономных ячеек, способных в русле общего идейно-политического направления проводить террористические атаки в любой точке земного шара.

В структурном плане наиболее распространенной и опасной моделью построения международной террористической сети является так называемая SPIN-структура (сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть – *segmented, polycentric, ideologically integrated network*). К числу лидеров международно-

го терроризма относятся идеологические группы, политические цели которых множественны и потому прогнозирование их активности, более или менее точное предвидение селекции целей практически невозможно. Террористические сети подобного типа (multiple-issue-terrorisim) способны абсорбировать разнородные элементы, в основе деятельности которых лежат неодинаковые мотивы. Более того, в рамках таких сетей свое место могут найти и криминальные организованные группы, и теневой бизнес. Круг потенциальных участников подобных сетей оказывается практически неограниченным. А переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных (наркотрафик, нелегальная торговля оружием, людьми и др.)) вообще придает возникающему сетевому конгломерату новые качества и делает его совершенно автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым.

«Узкоцелевой» терроризм (single-issue-terrorisim) не становится менее распространенным, но оказывается уделом специализированных движений. Помимо уже отмечившихся на этом поприще правых и левых радикалов, речь в данной связи идет о радикальных антиглобалистах, зеленых, защитниках прав животных, противниках абортот, борцах за запрет генной инженерии и других «узких» группах интересов. Он также представляет значительную социальную опасность, однако в силу «тоннельного видения» проблем, узости политического кругозора и социальной базы подобного рода организации и движения естественно не могли ранее и не могут ныне рассматриваться в качестве серьезной и тем более основной угрозы миропорядку.

Создателем наиболее эффективной и единственной пока глобальной международной террористической сети нового типа выступает У. бен Ладен. Как справедливо отмечает отечественный исследователь Е. А. Степанова, в современных условиях едва ли уместно традиционное «техническое» по сути подразделение терроризма на внутренний и международный. Ведь ныне даже группы, очевидно преследующие локальные цели (вроде Тигров освобождения Тамил илама или баскских сепаратистов), как правило, осуществляют подготовку терактов (сбор средств, логистику, пропагандистское обеспечение и даже планирование операций) на территории более чем одной страны, включают в свой состав граждан более чем одного государства и проводят акции, затрагивающие граждан нескольких государств¹⁾. Более актуальной представляется типология, исходящая из уровня, масштаба деятельности и целей той или иной организации. В этом смысле «Аль-Каида» остается единственной террористической сетью, обладающей глобальными притязаниями и стремящейся перенести, по выражению одного из лидеров организации М. Аль-Завахири, «глобальный джихад» на территорию своего врага.

На сегодняшний день информация о структуре и особенностях функционирования «Аль-Каиды» остается достаточно фрагментарной. Не вполне очевидно, насколько важную роль (помимо стратегического планирования) играют в организации центральные структуры управления во главе с У. бен Ладеном, насколько тесной и принципиально важной для существования сети является

¹⁾ См. об этом: *Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2005. С. 203.*

ся коммуникация между ее отдельными «узлами» и ядром «Аль-Каиды», таким управляющим центром, как Маджлис аш-Шура, насколько эффективной будет горизонтальная коммуникация в рамках сети при нейтрализации этого управляющего центра и т. д.²⁾ Однако кое-что можно со всей определенностью сказать уже сегодня.

В 1998 г. У. бен Ладен официально декларировал создание «Всемирного исламского фронта борьбы с иудеями и христианами», хотя отсчет террористической активности собственно узкой группы «Аль-Каида» был начат еще раньше – по меньшей мере с середины 90-х гг. В 90-х гг. У. бен Ладену удалось создать гибкую террористическую организацию в форме разбросанных по всему миру ячеек, которые на основе общего идеологического согласования с центром могли бы действовать совершенно автономно. Не совсем ясно, насколько создание именно глобальной сети отвечало его замыслам. Скорее всего, подобный итог стал побочным результатом поисков источников финансирования и логистического обеспечения операций вне региона Ближнего и Среднего Востока. Однако обстоятельства складывались таким образом, что в техническом и структурном плане сетевая организация оказалась почти идеально подходящей для достижения провозглашенных им целей. Ему удалось объединить при создании «Аль-Каиды» западные принципы рационального управления со специфическими исламскими технологиями сотрудничества

²⁾ См. об этом: *Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars*. Santa Monica, 2001. P. 34 ff.; *Hoffman B. Al Qaeda trends in terrorism and future potentialities: An assessment*. RAND Papers. P-8078. Santa Monica, 2003. P. 3; *Post J. M. Psychological Operations and Counterterrorism // JFQ: Joint Force Quarterly*. Spring 2005. № 37. P. 105–110 и др.

(management by objectives – управление через согласование целей и management by delegation – управление через делегирование). Собственно, это управление посредством согласования и делегирования, как представляется, на самом деле было плодом случайной исторической констелляции. Оно оказалось возможным прежде всего в силу наличия довольно значительной численно когорты так называемой «афганских арабов», т. е. людей, воевавших на стороне афганских моджахедов в период пребывания в этой стране «ограниченного контингента» советских войск и борьбы с режимом Наджибуллы. Все эти люди были спаяны общими ценностями, если угодно психологией победителей (без этого невозможно было бы бросить вызов единственной оставшейся сверхдержаве), и вполне доверяли друг другу. Все они разделяли убежденность в собственной победе над одной из сверхдержав (СССР). Соответственно, они были уверены в своих силах, имели значительный боевой опыт и обширные политические притязания. Однако по возвращении домой эти ветераны были встречены представителями местных политических элит с большим подозрением из-за существовавших небезосновательных опасений относительно их способности дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию. Они обладали значительным моральным авторитетом на «арабской улице», но при этом, как правило, им приходилось довольствоваться маргинальным политическим положением в собственных странах. Таким образом, не столько технические аспекты, связанные с развитием информационных технологий, сколько взаимные неформальные связи бывших фронтовиков сделали возможным возникновение основанной на взаимном доверии и делегиро-

вании полномочий гибкой и адаптивной террористической сети.

Трудно судить, насколько принципы функционирования этой сети производны от «культуры бедуинов Аравийского полуострова». Однако очевидно, что при создании террористической сети У. бен Ладен действительно продемонстрировал незаурядные способности по консолидации разных интересов и идеологических ориентиров³⁾. Основными консолидирующими факторами выступили воинствующий исламизм и деньги. Собственно, западные авторы нередко акцентируют внимание на «религиозной» подоплеке «нового» терроризма на рубеже веков⁴⁾. Однако представляется не вполне корректным полностью отождествлять исламизм, эксплуатирующий религиозные чувства мусульман, и собственно ислам как целостное религиозное мировоззрение. Под исламизмом здесь понимается не ислам как религия, но возникшая на его основе специфическая идеология, провозглашающая перманентную борьбу за возвращение к аутентичным исламским ценностям и политическим формам (халифат, охватывающий территорию по меньшей мере от Испании до Индонезии), и позволившая объединить борьбу самых разных в эт-

³⁾ См. об этом: *Jenkins B. M. Countering Al Qaeda. An appreciation of the situation and Suggestion for Strategy. Santa Monica, 2002. P. 3–5.*

⁴⁾ См., например: *Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkley, 2000; Cronin A. K. Behind the Curve: Globalization and International Terrorism // International Security. 2003. Vol. 27. № 3. Winter 2002/2003. См. особенно: P. 41–42; Post J. M. The new face of terrorism: socio-cultural foundations of contemporary terrorism // Behavioral Sciences and the Law. 2005. Vol. 23. July. № 4. P. 451–465.*

ническом плане групп мусульман, преследующих не совпадающие политические цели, в нечто более или менее целостное и разделяющее единое стратегическое видение ситуации. Это видение состоит в необходимости покончить с «унижением» исламских стран, изгнать США с Ближнего Востока и тем самым приблизить конец поддерживаемых Соединенными Штатами так называемых «манафикун» (лицемеров и предателей) в лице светских авторитарных правителей соответствующих стран.

Сила «Аль-Каиды» в соединении черт ниспровергающего основы современного миропорядка идеологически индоктринированного широкого революционного движения и одновременно конспиративной организации, способной вести террористическую войну. Организация включает в себя отряды профессиональных боевиков и подготовленных террористов, достаточно мобильных, фанатичных и неплохо подготовленных для осуществления своих целей. Своего рода «аффилированными» структурами являются независимые боевые группы и организации все более и более интегрирующиеся в довольно плотную сеть международного террора. В их числе египетский «Исламский джихад», суданская «Аль-Иттихад аль-исламия», филиппино-индонезийская «Джемаат Исламия» и многие другие. «Аль-Каида» стала своего рода полюсом притяжения для многочисленных сочувствующих групп, не демонстрировавших ранее открытой приверженности террористическим методам и не имевшим никакой связи с организацией, вербовавшей бойцов для войны с СССР в Афганистане, но вполне разделяющих логику развиваемой У. бен Ладеном идеологии воинствующего исламизма и воодушевленных результатами

его борьбы. За период с середины 1990-х гг. и по 2001 г. на базах «Аль-Каиды» в Афганистане, Йемене, Судане и других странах было подготовлено, по разным данным, от 20 до 100 тыс. боевиков, так или иначе поддерживающих связи с отдельными узлами глобальной террористической сети.

Таким образом, «Аль-Каида» – это не монолитная организация с четкими границами и ясными намерениями, но организованный по принципу сети пестрый конгломерат движений и организаций, придерживающихся общего стратегического видения ситуации и методов борьбы. Разумеется, вокруг У. бен Ладена существует определенное «твердое ядро» его последователей. Именно это ядро и выстраивает так или иначе общую стратегию, разрабатывает формы и методы финансирования, решает вопросы внутренней безопасности, нередко обеспечивает логистику и информационное сопровождение наиболее сложных операций и т. д. Однако и в рамках этого ядра, и в широком организационном смысле «Аль-Каида» представляет собой многонациональное и отнюдь не монолитное в политическом плане движение. По мнению ряда исследователей, гений У. бен Ладена состоит как раз в том, что он смог переплавить так называемое «кипение в исламе», стремление к реформации и очищению ислама в понятную миллионам, глобальную по масштабам притязаний и антиглобалистскую (если понимать под глобализацией распространение западных ценностей и стандартов) по содержанию идеологию. Собственно понимание того, насколько актуальной (способной привлечь молодежь), современной (эпохе постмодерна и Интернета) и своевременной, а отнюдь не архаически-фундаменталистской оказалась эта

идеология, постепенно приходит только сейчас⁵⁾. У бен Ладен смог выступить в роли своего рода интерпретатора и популяризатора идеологии исламизма, которая дала возможность мобилизовать общественное мнение не только в арабских, но и во всех мусульманских странах и даже всколыхнула диаспоры, давно и прочно осевшие в странах Запада.

Эта идеология позволила объединить борющиеся за собственные цели и интересы группы мусульман в разных странах мира в нечто более или менее целостное, реконцептуализировала сепаратистские движения, борьбу исламистов с собственными правительствами или палестинцев с государством Израиль в воистину манихейских терминах космического противостояния сил добра и зла, «противостояния крестоносцам и иудеям». В результате различные группы радикальных исламистов по всему миру реально начинают рассматривать свою борьбу с местными правительствами, иными этническими и конфессиональными группировками в более широком политическом контексте, равно как в категориях тысячелетий и континентов, где, разумеется, уже нет места проблеме ценности отдельной человеческой жизни. Только в подобном контексте приобретают хоть какой-то смысл предельно циничные заявления одного из идеологов «Аль-Каиды» М. Аль-Завахири о том, что тактика применения смертников «является наиболее эффективным средством нанесения потерь противнику и притом наименее затратным, с точки зрения потерь челове-

⁵⁾ См. об этом: *Keipel G. The War for Muslim Minds: Islam and the West. Cambridge, 2004; Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. N. Y., 2004.*

ских жизней, для муджахедов»⁶⁾. В этом смысле исламизм (отнюдь не тождественный исламу как религии) выступает в роли своеобразной революционной идеологии, ближайшей целью которой становится уже не просто изгнание крестоносцев, иудеев и их пособников в лице светских правителей со «святых» мусульманских земель, но изменение самой повестки дня современных международных отношений и ревизия в пользу исламской уммы (а не отдельных исламских государств) ситуации в мире.

Ныне филиалы «Аль-Каиды», по некоторым данным, находятся более чем в 60 странах мира. Сеть привлекает в ряды не только маргиналов, но и образованных молодых мусульман, которые легко могут быть переправлены в Европу и США или даже родились в этих странах (неполиткорректные шутки по поводу «Лондонистана» после событий июня 2005 г. в британской столице приобрели трагический и мрачный оттенок), способны создать (и, как предполагается, уже создали) совокупность «спящих», автономных ячеек, практически не поддерживающих до дня «активации» открытых контактов с «Аль-Каидой». Контакты единомышленников происходят до или после традиционных для каждого из мусульман посещений мечетей и в этом смысле не вызывают никаких подозрений. В результате в странах пребывания террористы могут создать впечатление полной интегрированности в принимающее общество и их практически невозможно распознать как экстремистов.

⁶⁾ *Ayman Al-Zawahiri. Knights Under the Profet's Banner.* Цит. по: *Foreign Affairs.* 2005. Vol. 84. № 1. P. 150.

3. Террористические сети в начале XXI века: основные цели и принципы

Основной особенностью современных международных террористических структур выступает сетевой принцип организации. Их отличает переплетение различных по своему происхождению и функциям сетей (собственно террористических, криминальных, финансовых и др.), свобода маневра, обеспечиваемая экстерриториальностью, и практически полная самодостаточность и автономность, не подразумевающая необходимости наличия неких спонсоров вовне.

Прекрасно освоенные международными террористами новые информационные технологии позволяют наиболее полно задействовать потенциал, который содержится в сетевых организационных формах. Развитие информационных систем увеличивает финансовые, разведывательные и исследовательские (попытки разработки оружия массового поражения) возможности террористических организаций. Кроме того, для мировых террористических сетей основой эффективного взаимодействия является система коммуникаций. Причем нетрудно догадаться, что сетевые формы организации нуждаются в ней даже больше, чем старые иерархические.

Эксперты выделяют три ключевых направления, по которым использование новых технологий позволяет повысить эффективность организации террористических сетей и координацию деятельности входящих в их состав боевых групп.

1. Повышение уровня координации действий.
2. Расширение организационных возможностей как таковых.
3. Активизация обменов информацией, в том числе в реальном времени, что явно превосходит на современном этапе возможности межгосударственного сотрудничества.

В результате глобальная террористическая сеть оказывается почти идеально адаптирована к условиям так называемых «роевых» войн или войн с использованием принципа «боевой стаи»¹⁾, когда за нанесением четко скоординированного по месту и времени удара прибывающих с разных направлений (ныне — возможно даже из разных стран) боевиков и подразделений поддержки следует буквально «исчезновение», «растворение» боевой или террористической группы, вновь распадающейся на отдельные сегменты, стремительно исчезающие с места действия или сливающиеся с массой населения. Применение подобной тактики в конфликтах малой интенсивности было и остается весьма результативным даже против защищенных целей и военных объектов. Недостаточно высокой является эффективность контртеррористических мероприятий при применении террористами подобной тактики и в крупных современных мегаполисах. Тем более, что целями террористических актов выступают слабо защищенные гражданские объекты и собственно население тех или иных стран. Новые коммуникационные и информационные техноло-

¹⁾ См. об этом: *Arquilla J., Ronfeldt D. Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica, 2000.*

гии, проницаемость границ и другие факторы, напрямую связанные с глобализацией, придали подобной тактике совершенно новое качество и размах.

Помимо новаций в тактических принципах, рассматривая особенности современного терроризма, эксперты, как правило, выделяют в рамках современного терроризма три основные стратегии²⁾.

1. Террор как средство принуждения сильных слабыми. Этот метод действий позволяет более слабым организационным единицам пытаться влиять на формирование повестки дня в отношениях с более сильным противником, на его поведение и принятие политических решений. Примерами подобного рода террористической активности служили этнические террористические группировки баскских сепаратистов (ЭТА), Ирландской республиканской армии (ИРА) и др. В таком же ключе до последнего времени интерпретировалась на Западе и деятельность чеченских боевиков. Терроризм выступает здесь весьма действенным и функциональным с точки зрения соотношения критериев стоимости/эффективности средством политического давления на правительства тех или иных стран. Именно такой стратегии в наибольшей степени соответствуют наиболее распространенные отечественные определения терроризма как «системы использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп

²⁾ См., например: *Arquilla J., Ronfeldt D., Zanunu M. Information-Age Terrorism // Current History. Vol. 99. 2000. April. № 636. P. 185.*

к совершению тех или иных действий в пользу террористов во избежание реализации последними угроз по отношению к определенным лицам и группам, а также к объектам жизнеобеспечения общества, источникам повышенной опасности для людей и окружающей среды»³⁾.

2. Террор как способ ведения войны. В этом случае речь идет о рациональном и осознанном выборе тактики неизбирательного террора со стороны более слабого государственного или квазигосударственного образования (а теперь еще и экстерриториальной сети) в борьбе с более сильным государством. В качестве примера американскими и израильскими исследователями нередко рассматривается случай Палестинской автономии. В период второй интифады руководством ряда палестинских террористических организаций (прежде всего Хамаса) была по всей видимости сделана осмысленная ставка на проведение террористических атак, в том числе с использованием так называемых «шахидов». Террор в данном случае рассматривается уже не просто как средство давления на качественно более сильного оппонента, но как способ ведения боевых действий (причем на территории противника). Даже применение тактики камикадзе, «живых бомб» отнюдь не представляет собой жеста отчаяния со стороны террористических организаций. Это всего лишь рационально скалькулированный эффективный способ максимизации ущерба противнику слабой в военно-техническом отношении стороной

³⁾ Авдеев Ю. И. Типология терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 59.

при минимальных собственных издержках, проявление сознательно избранной тактики действий ⁴⁾.

3. Террор как предвестник нового мира или средство его революционного преобразования. До последнего времени данная стратегия состояла на вооружении сходящих ныне с арены организаций, ставивших перед собой главным образом социально-политические цели. Однако в последние полтора-два десятилетия оказалась востребована специфическими псевдорелигиозными организациями (типа «Аум Синрикё» в Японии) и исламистскими террористическими организациями, аффилированными с «Аль-Каидой». При этом террористическая стратегия была предельно радикализована. Террористические группы ставят цель уже не трансформации в определенном направлении старого общества, а создания нового мира путем по сути полного разрушения старого.

Разумеется, в реальности перечисленные стратегии, как правило, не существуют в чистом виде. Имеет место взаимное переплетение стратегий террора – например, в случае с «Аль-Каидой», террора как способа ведения войны и как средства революционного преобразования мира.

Современность предоставляет террористам широкие возможности выбора оружия. Помимо привычного огнестрельного и холодного оружия в их распоряжении в принципе могут оказаться такие плоды научно-технического прогресса (НТП), как оружие массового уничтожения (ОМУ) или новейшие информационные технологии. Наиболее важную роль по сей день, ра-

⁴⁾ См. об этом: *Люфт Г.* «Живая бомба» Палестины // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1.

зумеется, играет терроризм с применением обычных вооружений. Он находит свое проявление в захвате заложников, угоне средств передвижения, подрывах зданий, транспортных средств, объектов инфраструктуры и т. д. Его эффективность при применении взрывчатых веществ и огнестрельного и холодного оружия достаточно высока, что продемонстрировали, в частности, атаки 11 сентября 2001 г., а последствия терактов более или менее прогнозируемы. Однако наряду с известными приемами, значительное распространение в ближайшее время могут получить терроризм с применением оружия массового поражения и кибертерроризм.

Терроризм с применением ОМУ не требует новых организационных форм. Для применения ОМУ необходимы лишь специфический психологический профиль самих террористов и наличие политических целей, не предполагающих избирательность при проведении акций. При этом не обязательно даже стремление террористов нанести максимальный ущерб. Гибель людей как таковая может выступать не в качестве цели, а в качестве побочного следствия действий террористических групп (акции секты «Аум Синрикё» по приближению «конца света», например). Единственным и естественным ограничением в этом случае выступает то обстоятельство, что проведение подобных терактов является довольно сложным технически предприятием, в то время как их эффективность и тем более политические последствия трудно прогнозировать. Применительно к отравляющим веществам и биологическим агентам эффективность к счастью оказывается пока разочаровывающе низкой для потенциальных террористов. Достаточно вспомнить, что из более чем десятка известных химических

атак с использованием довольно мощного вещества (зарин), предпринятых сектой «Аум Сенрикё», только одна оказалась действительно чрезвычайно тяжелой по своим последствиям (12 погибших и более 1000 пострадавших). Подобным же образом обстоит дело с биопрепаратами⁵⁾. Чрезвычайно привлекательным для террористов по разрушительной мощи и возможностям шантажа правительств отдельных стран и мирового сообщества в целом остается ядерное оружие. Однако в кустарных условиях его вообще, к счастью, невозможно изготовить. Самая простая по конструкции ядерная бомба потребует создания целого производственного цикла. По мнению западных специалистов пока подобные технологии практически недостижимы для террористических организаций, даже таких мощных, как сеть «Аль-Каиды». Что же касается возможностей создания так называемой «грязной» радиологической бомбы, то психологическое воздействие от ее применения может оказаться весьма значительным. Однако при высоких издержках на создание боеприпаса подобного типа его эффективность и предсказуемость политических результатов может быть сопоставима со случаями применения химических веществ, т. е. довольно низка, а последствия применения трудно прогнозируемы. Таким образом, угроза применения ОМУ террористической группой остается в повестке дня служб безопасности всего мира. Игнорировать ее было бы абсолютно безответственно. Существует масса

⁵⁾ Подробнее см.: Toxic Terror: Assessing Terrorist Use of Chemical and Biological Weapons. Cambridge, 2000; Post J. M. The Psychology of WMD Terrorism // International Studies Review. 2005. Vol. 7. № 1 (March). P. 148–151.

свидетельств того, что террористические организации стремятся заполучить в свое распоряжение ОМУ. Это по меньшей мере открыло бы для них новые возможности по шантажу правительств различных стран мира. Серьезной проблемой является в этой связи недопущение распространения ядерного оружия (предотвращение попадания в руки террористов готового, промышленно изготовленного ядерного боеприпаса) и жесткий контроль оборота расщепляющихся материалов.

Кибертерроризм выглядит наиболее технологически совершенным и морально «чистым», прямо не связанным, как правило, с потерями жизней. Его проявлением выступают вмешательства в работу электронных систем управления (хакерство, создание компьютерных вирусов и т. д.). Однако последствия атаки на или вторжения в электронные сети далеко не всегда предсказуемы и в этой связи — чрезвычайно опасны. Для осуществления актов «киботажа» (кибернетического саботажа) не требуется, собственно говоря, вообще практически никакой организации и сверхсложного оборудования, что способно сделать кибертерроризм одним из наиболее распространенных видов террористической активности XXI века.

4. Проблемы межгосударственной кооперации в борьбе с терроризмом

Реакция государств на возникновение новой угрозы явно запаздывает. Эффективное противодействие международному терроризму возможно только на путях активного сотрудничества государств и правительств, а также специальных служб в деле предотвращения терактов и противодействия террористическим организациям. Однако наиболее сильные международные акторы, от действий которых напрямую зависит отношение к терроризму и выработка режимов противодействия ему, не готовы пока выступать против терроризма совместно. При общем понимании необходимости коллективных действий ряд стран, как ни парадоксально, предпочитает все более унилатералистскую манеру поведения на международной арене. Речь в данном контексте идет прежде всего о США.

Вашингтон стремится использовать союзников для решения собственных задач, не соотнося свои интересы с их предпочтениями. Об этом косвенно свидетельствовало провозглашение Д. Рамсфелдом новой доктрины, направленной на создание *ad hoc* коалиций («не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию»). Об этом же говорит и продемонстрированная администрацией Дж. Буша готовность наносить превентивные удары по территории любых стран, заподозренных

в поддержке терроризма¹⁾, практически без согласования со своими партнерами по широкой антитеррористической коалиции. Подобная политика заставила многие страны мира дистанцироваться от Вашингтона (в частности, от его действий в Ираке). Причем американская администрация старается игнорировать тот факт, что ревизия по ходу дела правил политической игры на международной арене (применение силы вне рамок существующих норм международной права, вне согласованных процедур и без решения Совета Безопасности ООН) насторожила и обескуражила даже проверенных союзников США в ряде стран НАТО.

Применение принципа превентивности на практике, в Ираке, вызвало огромное количество вопросов. Сомнительность политической репутации и морально-го облика С. Хусейна, демонстративная поддержка с его стороны палестинских террористических групп, планы создания ОМУ и угроза передачи этого оружия в руки террористов, казалось бы, взывали к упреждающему удару. Собственно об этом неоднократно заявляли официальные лица в администрации Дж. Буша и сам американский президент, обосновывая необходимость вторжения в Ирак. Однако уже после вторжения не было

¹⁾ Сам по себе принцип превентивности не так плох, как принято считать, поскольку нацелен именно на *предотвращение* терактов, а не на реагирование на уже свершенные. О том, насколько сложны и дорогостоящи возможные меры по предотвращению актов международного терроризма в США, так называемые меры внутренней безопасности, см.: *Dory A. J. Civil Security. Americans and the challenge of homeland security.* Washington, 2003; *Parachini J., Davis L. E., Liston T. Homeland Security: A Compendium of Public and Private Organizations' Policy Recommendations.* RAND White Papers. Santa Monica, 2003.

найден никаких прямых доказательств связи Саддама Хусейна с «Аль-Каидой». Хусейн, как выяснилось, был отнюдь не основным спонсором палестинского терроризма. Равно как не оказалось на территории Ирака оружия массового поражения. В свете открывшихся обстоятельств надуманными предстали и поводы для нанесения превентивного удара. В результате оказался серьезно скомпрометирован сам принцип превентивности. В этой связи известный американский диссидент Н. Хомский отметил: «Тем, кому чужды нормы поведения Саддама Хусейна, придется брать на себя нелегкое бремя доказательства того, что они имеют право на применение силы. Возможно, такое бремя им по плечу, но это и надо доказать, а не просто провозгласить»²⁾.

Не вполне понятна в этой связи логика представителей нашей политической и военной элиты, перехватывающей ныне вытекающие, в том числе из представлений об американской исключительности, тезисы официального Вашингтона о возможности и даже желательности превентивных ударов по базам террористов. Речь даже не о несоответствии превентивности действующим нормам международного права и не о несоизмеримости реальных военных возможностей США и сегодняшней России. Речь о логике политического действия и системе военных мероприятий.

США исходят из того, что враг *находится вовне*. И основная задача состоит в том, чтобы, во-первых, не допустить его в «крепость Америку» (меры по ужесточению доступа на территорию США), а, во-вторых, нанести удар по противнику в его «логове», пока он только вынашивает

²⁾ Хомский Н. Новый военный гуманизм. М., 2002. С. 277.

ет «черные замыслы» в отношении мотора глобализации и лидера мировой либеральной демократии. Кроме того идея превентивности оказалась весьма своевременной для нового мирового гегемона с точки зрения обоснования любой текущей и планируемой военной операции в любом уголке земного шара. Куда бы не ступила нога американского солдата — это все теперь «превентивные» меры по борьбе с терроризмом. Кроме того, эта идея принесла администрации Буша и определенные внутренние дивиденды — в США после 11 сентября 2001 г. не произошло ни одного теракта, а наступательная риторика и ковбойский образ действия на международной арене, похоже, импонируют значительной части американского электората, что помогает поддерживать рейтинг действующего президента. Как отмечают некоторые отечественные исследователи: «„Война с террором“ не могла не начаться. Прежде всего потому, что политики во всем мире крайне нуждались во враге, отвечавшем ряду критериев. „Правильный“, с точки зрения современных деятелей, враг — это тот, кто представляет собой опасность, кто не связан с ведущими западными странами. Его место там, куда можно наносить безответные удары; его нельзя увидеть; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности — оставаться неопределимой; наконец, необходимость войны с ним должна оправдывать серьезные ограничения демократических прав собственных граждан, а увеличение расходов на нее не должно вызывать возражений у населения»³⁾.

³⁾ *Иноземцев В. Л.* Очень своевременный противник // Россия в глобальной политике. 2005. № 3. Май-июнь.

У нас, несмотря на активно вбрасываемую информацию о чрезвычайно профессиональных и удивительно боеспособных арабах-наемниках, очевидно, что противник по преимуществу находится, так сказать, внутри периметра безопасности. Поэтому одним укреплением государственных границ, а тем более нанесением неких превентивных ударов по территории зарубежных государств явно не обойтись. Борьба с терроризмом в наших условиях должна быть обращена не вовне, а прежде всего вовнутрь страны. Она должна, наконец, сопровождаться борьбой с коррупцией (в противном случае лишаются всякого смысла рассуждения о выборе израильской, американской или какой-нибудь еще системы обеспечения безопасности — с коррумпированными органами безопасности добиться повышения эффективности и достичь заявленных решительных целей в борьбе с террористическим подпольем просто невозможно), уничтожением инфраструктуры материальной поддержки террористов в России и решительным и умным противостоянием распространению идеологии исламизма (ваххабизма) в стране. Что же касается «превентивных» ударов вовне государственных границ РФ, то их необходимость (за исключением некоторых гипотетических случаев), равно как и техническая осуществимость, вызывает серьезные сомнения. Тем более что за каждым таким ударом будет неизбежно следовать ухудшение отношения к РФ как со стороны исламского мира (причем не только на уровне элит, но и масс населения — что чревато со временем усилением теперь уже внешней террористической угрозы), так и осложнения во взаимодействии со странами Европы, не приемлющей однозначно силовых методов решения проблем терроризма, да и с самими

США, которые отнюдь не поощряют подражательности в этом вопросе, исходя из старого римского *Quod licet Jovi non licet bovi* (что позволено Юпитеру, не позволено быку).

В рамках американских подходов к предотвращению угрозы международного терроризма вообще слишком большое место отводится силовым аспектам борьбы с террористическими сетями. Президент Буш легко оперирует понятиями войны с международным терроризмом или, что еще хуже, «крестового похода» против международного терроризма. Для войны США активно ведут поиск «адекватного» противника. Таким политически приемлемым противником — слабым, уязвимым и обещающим не слишком обременительную и телегеничную «победу» — выступают так называемые государства-изгои, которые с большими или меньшими на то основаниями обвиняются Вашингтоном в спонсорстве международного терроризма. Нет сомнений, что США способны воевать с государствами и превосходят в силовом отношении любое из современных государств или даже их коалицию. Вопрос в том, насколько воинственная риторика и навязчивая территориализация транснациональных по сути проблем способна повлиять на решение проблемы международного терроризма, и не являются ли угрозы, исходящие от «государств-изгоев» и террористических сетей, совершенно разноплановыми угрозами безопасности⁴⁾. И кроме того, не подрывает ли американская склонность к «необязательным

⁴⁾ См. об этом: *Andreani G. The "War on Terror": Good Cause, Wrong Concept // Survival. 2004–2005. Vol. 46. № 4. Winter. P. 43–44.*

войнам» усилия по противодействию террористическим сетям⁵⁾.

В рамках национальной стратегии по борьбе с терроризмом акцент делается на 4 принципиальных моментах (4 D) – нанесении поражения и уничтожении террористов и их организаций; воспреещении поддержки и предоставления убежища террористам; сокращении благоприятствующих развитию терроризма условий; защите американских граждан и интересов дома и за рубежом⁶⁾. Американские эксперты ключевые признаки успешной контртеррористической стратегии видят в следующих политических и военных акциях:

- «– Демонстрация силы и, что может быть еще более важно, целеустремленности и решительности (purpose and determination).
- Неумолимость (т. е. неослабевающий со временем характер – *relentlessness*) и эффективность действий.
- Соответствие американским ценностям и моральная обоснованность, очевидная для других.
- Сбалансированная средне- и долгосрочная стратегия, которая включает в себя как меры принуждения, так и позитивные стимулы»⁷⁾.

Все это, безусловно, важно. Однако в рамках контртеррористических операций осевым моментом должна

⁵⁾ *Harper J. L. Anatomy of Habit: America's Unnecessary Wars // Survival. 2005. Vol. 47. № 2. Summer. P. 57–86.*

⁶⁾ *National Strategy for Combating Terrorism. February 2003. Washington, 2003.*

⁷⁾ *Davis P. K., Jenkins B. M. Deterrence and Influence in Counterterrorism. A Component in the War on Al Qaeda. Santa Monica, 2002. P. 25.*

была бы быть все-таки делегитимизация терроризма как метода политической борьбы и ведения боевых действий. Использование военного потенциала и применимость доктрин устрашения в новых условиях имеет существенные ограничения — как в связи с высокой мобильностью лидеров и гибкостью механизмов управления террористическими организациями, так и в силу недопустимости значительного «сопутствующего ущерба» (недопустимостью не только моральной, но и функциональной — наличие жертв среди гражданского населения расширяет базу для рекрутирования новых членов в рамках террористических сетей). Простое увеличение финансирования силовых ведомств в их нынешнем состоянии (структура, задачи, средства и т. д.) оказывается весьма затратным и в целом неэффективным ответом на угрозу терроризма, поскольку ориентировано на реагирование и не может с высокой степенью вероятности гарантировать *предотвращение* террористических актов.

Речь здесь не о том, что бессмысленно проводить политику сдерживания и устрашения террористов. Сдерживание терроризма возможно. Но только в ограниченных масштабах и против отдельных сегментов террористической сети, поддающихся давлению извне. Соединенные Штаты могут, например, достаточно эффективно воздействовать на лидеров террористических групп, рядовых боевиков и государства, поддерживающие те или иные террористические группы входящие в международную террористическую сеть⁸⁾. В конечном счете они могут

⁸⁾ См. об этом: *Davis P. K., Jenkins B. M. Deterrence and Influence in Counterterrorism. A Component in the War on Al Qaeda. Santa Monica, 2002.* См. особенно: P. 48; *Bonoan R., Davis P., Roberts B., Utgoff V., Ziemke C.*

с помощью соответствующих мер попытаться убедить лидеров террористических групп в том, что атаки на США резко поднимают операциональные риски и издержки террористической активности, а также цену, которую им придется заплатить за их деятельность. Однако в рамках контртеррористической операции подобного рода стратегии поведения едва ли можно считать исчерпывающими и оптимальными. В частности, как свидетельствует опыт противодействия наркотрафику и современному терроризму, даже успех «охоты» за лидерами криминальных или террористических сетей не гарантирует «победы» в противостоянии международному терроризму⁹⁾.

При реальной борьбе с терроризмом ключевым моментом является не неизбирательное применение силы, а минимизация демонстративной воинственности и дозированное использование собственно военных рычагов. Целью антитеррористических операций выступает изоляция террористов от общества и лишение террористических организаций доступа к внешним источникам снабжения. Основная сложность состоит в том, что подавить то или иное террористическое движение можно лишь, если общественное мнение в стране (а ныне в условиях глобализации – и за ее пределами) считает террористов преступниками (а не борцами за свободу, жертвами империализма, тирании и т. п.) и фактически выступает на стороне, противостоящей терроризму (на стороне государства или группы государств). Использованием же

Deterring Terrorism: Exploring Theory and Methods. Washington, Institute for Defence Analyses Papers, Paper P-3717. August. 2002; и др.

⁹⁾ См. об этом: *Kenney M.* From Pablo to Osama: Counter-terrorism Lessons from the War on Drugs // *Survival*. 2003. Vol. 45. № 3. Autumn. P. 187–206.

военной силы эту проблему не решить. Ряд аналитиков, например, вообще полагает, что если террористам удастся спровоцировать правительство на использование против них военной силы и к тому же применение силы носит неизбирательный характер – это означает, что террористы уже добились успеха. Они оказываются в выигрыше при любых раскладах. Им либо удастся избежать полного разгрома и снова заявить о себе в полный голос новыми террористическими акциями, продемонстрировав собственную неуязвимость. Либо они терпят поражение, но при этом их начинают прославлять как мучеников и храбрецов¹⁰⁾.

Некоторую тревогу вызывает то обстоятельство, что использование силы уже не рассматривается как *ultima ratio*, а становится дежурным инструментом администрации США в попытках решения сложных внешне- и внутриполитических проблем. Кое у кого при взгляде извне США возникает даже ощущение, что применение военной силы Соединенными Штатами осуществляется не для сдерживания или устрашения «плохих парней», а скорее в соответствии с постулатами так называемой «доктрины Ледина» (бывшего сотрудника Пентагона и Государственного департамента США), согласно которым Соединенным Штатам периодически нужно выбирать какую-нибудь небольшую «зловредную» страну и буквально «размазывать ее по стенке» просто для того, чтобы «показать, что мы настроены серьезно»¹¹⁾. Вместо того, чтобы отделять экстремистов от ислама, подобные

¹⁰⁾ *Howard M. What's in a name? // Foreign Affairs. 2002. № 1. P. 10–11.*

¹¹⁾ См. об этом: *Ledeem M. The War Against the Terror Masters: Why It Happened. Where We Are Now. How We'll Win. N. Y., 2002.*

действия способны лишь радикализировать приверженцев ислама по всему миру.

Еще одним неоднозначным проектом американской администрации стал план демократизации Ближнего Востока. Факт, что большинство террористов, осуществивших подрыв небоскребов Всемирного торгового центра, оказались выходцами из богатых стран Персидского залива. И это обстоятельство еще раз подтолкнуло американцев к мысли о том, что истинные корни террора лежат не столько в социальных проблемах, бедности, противоречивых следствиях глобализации в странах третьего мира, сколько в отсутствии так называемого *good governance* — ответственного правления, т. е. политических элит, способных чувствовать ответственность перед обществом, функционирующих демократических институтов и процедур. Очевидно, что с демократическими режимами американцам действительно проще иметь дело, в том числе, наверное, и на Ближнем Востоке. Теоретически они более рациональны и предсказуемы, играют по предложенным им и удобным для США правилам. Кроме того, они легче поддаются манипуляциям извне — просто в силу того обстоятельства, что в Вашингтоне давно освоили соответствующие политтехнологии. Однако необходимо учитывать, что задача демократизации может быть решена (или хотя бы по преимуществу решена) только самими народами соответствующих стран. «Принуждение к демократии» едва ли может оказаться перспективным. «Вооруженный гуманизм» и «принудительная демократизация» на чуждом для американцев культурно-цивилизационном фоне способны будут лишь усугубить ситуацию и дать лишние козыри на руки террористов, усугубят ситуацию разочарованием от болезнен-

ного вмешательства лидирующей страны Запада в дела государств региона.

Как демонстрирует опыт Ирака, стремление взять под контроль «проблемные» территории и посредством смены режимов добиться сужения социальной базы международного терроризма оказалось весьма противоречиво и по намерениям, и по результатам. Более того, демократизация без иностранной оккупации также приносит отнюдь не однозначные результаты. В Палестине, например, демократизация режима привела к власти Хамас, а в Иране — непредсказуемого президента М. Ахмадинежада. Демократизация без значительного в процентном отношении среднего класса и развитой сети институтов гражданского общества оказывается провозвестником скорее радикализации, а не стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Успех стратегии демократизации в целом далеко не очевиден. Демократизация на Ближнем и Среднем Востоке гораздо сложнее, чем осуществление «плана Маршалла» после Второй мировой войны. А курс на военный интервенционизм, пусть и под гуманитарными или иными создающими легальную базу предложениями, вообще способен спровоцировать активное противодействие со стороны подвергаемого демократизации населения.

Потребность в сотрудничестве Москвы и Вашингтона при противостоянии новой террористической угрозе велика и совершенно объективна. Довольно эффективно работала в последние годы комиссия Трубников—Армитидж. Фактически можно вести речь о необходимости теснейшего взаимодействия на таких направлениях, как совершенствование международно-правовой базы, направленной на борьбу с терроризмом, механиз-

мов оказания взаимной правовой помощи (в том числе касательно выдачи террористов, обеспечения, таким образом, принципов неотвратимости наказания); активизация борьбы с финансированием терроризма; недопущение попадания в руки террористических групп ОМУ и средств доставки; усиление контроля за оборотом обычных вооружений (в частности ПЗРК) и взрывчатых веществ. Судя по заявлениям российских официальных лиц, Россия готова достаточно далеко идти в плане согласованных двусторонних и многосторонних действий в сфере антитеррористической борьбы. Вплоть до расширения оперативного обмена информацией и даже проведения совместных контртеррористических операций¹²⁾. И вообще, как отмечают в том числе американские авторы, создание широкой коалиции принципиально важно для успеха в борьбе с терроризмом¹³⁾. Переосмысливая принцип суверенитета, необходимо помнить и о том, что при всей военной мощи Америки (во многом просто неприменимой в новых условиях и, во всяком случае, почти бесполезной в борьбе с терроризмом), эта страна также не в состоянии обеспечить собственный суверенитет и безопасность в одиночку, без активного взаимодействия при обеспечении разведывательных операций, без обмена информацией, без осуществления глобального финансового мониторинга и контроля, без совмест-

¹²⁾ См. об этом: *Трубников В.* Формируется новая философия отторжения терроризма // *Международная жизнь.* 2003. № 9–10. С. 23.

¹³⁾ См.: *Posen B.* The Struggle against Terrorism: Grand Strategy, Strategy and Tactics // *International Security.* Vol. 26. № 3. Winter 2001/2002. P. 42–43.

ного обеспечения режимов санкций и нераспространения и т. д.¹⁴⁾

Серьезной проблемой остается обеспечение тесного взаимодействия спецслужб. Даже в рамках трансатлантического сообщества сохраняются серьезные противоречия относительно перспектив активного обмена информацией между странами или тем более создания неких объединенных контртеррористических структур. Сохраняющаяся дробность связана сразу с несколькими группами причин. Во-первых, секретные службы уделяют огромное внимание конфиденциальности в работе и защите собственных источников информации. Во-вторых, страны, обладающие сильными специальными службами и эффективным разведывательным сообществом, зачастую просто не заинтересованы в создании неких объединенных европейских или трансатлантических структур безопасности. Подобного рода инициативы исходят, как правило, от представителей Австрии, Бельгии и других малых стран Европы и неизменно отклоняются Британией и Францией¹⁵⁾. Тем не менее, за последние годы пройден довольно большой путь к выстраиванию взаимоотношений спецслужб на двусторонней основе. Разумеется взаимное доверие терпит серьезный урон от эпизодов, подобных произошедшему в Катаре после покушения на З. Яндарбиева. Однако в силу объективной заинтересованности сторон в продолжении совместной

¹⁴⁾ См.: *Cronin A. K. Rethinking Sovereignty: American Strategy in the Age of Terror // Survival. 2002. Summer. Vol. 44. № 2. P. 119–139; см. также: Cronin A. K. Behind the Curve. P. 31.*

¹⁵⁾ Подробнее об этом см.: *Aldrich R. Transatlantic intelligence and security cooperation // International Affairs. 2004. Vol. 80. № 4. P. 731–753.*

работы такого рода инциденты пока не способны привести к сворачиванию широкого сотрудничества.

Как известно, одним из наиболее эффективных методов борьбы с терроризмом является лишение его финансовой поддержки и материальной базы. В этом смысле возможности отдельных государств существенно ограничены. Неочевидно, что источники финансирования находятся в неких отдаленных регионах мира и экзотических странах типа Ирака. Все больше данных о том, что значительная часть финансовых ресурсов добывается новыми террористическими сетями в результате легальной и полуполюгальной коммерческой деятельности, посредничества в наркотрафике, а также за счет многочисленных исламских фондов, базирующихся, скажем, в Нью-Йорке, Лондоне или Париже. При наличии колоссальных транснациональных финансовых потоков очень сложно без международного сотрудничества, объединения усилий разных стран проследить источники и схемы финансирования террористических организаций. С началом глобальной антитеррористической кампании резко активизировалась деятельность по отмыванию средств через банковскую сферу. Однако, как отмечают многие исследователи, «финансирование деятельности террористических групп и организаций в принципе может осуществляться и в обход официальной банковской системы. Помимо нее существует целый ряд нелегальных каналов переправки финансовых средств, возможности выявить и отследить которые минимальны»¹⁶⁾. И здесь еще много резервов для взаимодействия. Борьба с терро-

¹⁶⁾ Степанова Е. Россия и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом // Ежегодник СИПРИ 2002. М., 2003. С. 881.

ризмом невозможна и без активных операций на информационном поле. Плохо скоординированные действия в данной сфере могут свести эффективность подобных операций практически к нулю.

Ответом на вызов международного терроризма на данный момент может стать только активизация межгосударственного сотрудничества в сфере безопасности (в том числе под эгидой ООН или на иной основе) и постепенный выход на ревизию современных норм международного права с перспективой создания принципиально новых (возможно, тоже сетевых) международных антитеррористических структур.

Пока же в рамках различных международных организаций продолжается довольно активная дискуссия по поводу определения терроризма. Очевидно, что отличительными особенностями терроризма, выделяющими его из ряда иных форм насилия (криминального, например), является его политическая мотивация, а также объект насилия (в отличие от партизанских действий, нацеленных преимущественно на военные объекты и силы безопасности, целями террористов выступают население, политические деятели и символы государственности). «Проблема, однако, состоит в том, что одна и та же группировка может вести вооруженную борьбу для достижения одних и тех же политических целей разными средствами, используя разные тактики одновременно. Например, та или иная палестинская, кашмирская, колумбийская или чеченская вооруженная группировка может использовать как партизанскую тактику нападения на солдат и объекты безопасности противника, так и террористические методы, в зависимости от условий и района операций (например, в сельских или горных

районах чаще используется более традиционная партизанская тактика, а в городах – террористические методы) и даже, в некоторых случаях, оперативно переключаться с одной тактики на другую»¹⁷⁾. При подобных раскладах теряет всякий смысл популярное на Западе (особенно в правозащитных кругах) разделение на «плохих» террористов и «хороших» партизан-«борцов за свободу». Партизанские действия ныне прекрасно сочетаются с терроризмом. Тем не менее мировая политика остается сферой конкуренции между государствами, подчас достаточно жесткой. Поэтому широкий консенсус по поводу морального осуждения терроризма отнюдь не означает единения по прочим более частным вопросам. Неприятие терроризма действительно становится международной нормой. Однако сама попытка уточнить, что же именно является нормой, уже становится предметом длительных дебатов¹⁸⁾. Таким образом, по сей день контртеррористический комитет ООН является едва ли не единственным действующим международным институтом по борьбе с терроризмом.

Активизация межгосударственного сотрудничества неизбежна. В определенном смысле такому подходу нет альтернативы, поскольку на обозримую перспективу отсутствуют правовые и политические основания для создания неких транснациональных и/или негосударственных агентств, занимающихся проблематикой борьбы

¹⁷⁾ Степанова Е. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. С. 209.

¹⁸⁾ Keohane R. The Public Delegation of Terrorism and Coalition Politics // *Worlds in Collision. Terror and future of global order* / Ed. by K. Booth and T. Dunne. N. Y., 2002. P. 142–143.

с терроризмом и основанных на сетевых принципах. Равно как и не проявляется на данный момент тенденции и активной готовности со стороны неправительственных структур (банков и ТНК, например) вкладывать средства в развитие механизмов не корпоративной, а общественной безопасности. Весь вопрос в том, будут ли проявлены добрая воля и стремление к такому сотрудничеству сейчас или несколько позже, когда впечатленные количеством жертв политики будут вынуждены расстаться с бюрократической рутинной и геополитическими амбициями.

Глобализированная элита террористических сетей мыслит локально, но действует глобально, продвигая на международной арене собственные нормы и правила игры. Надо сказать, что отчасти это ей удастся — с учетом хотя бы произошедшего за последние годы реального изменения международной повестки дня. Ныне чрезвычайно важно, чтобы политические элиты ведущих стран мира оказались на уровне высоких требований момента и были достойны возложенной на них глобальной ответственности. В чем безусловно прав президент США Дж. Буш-младший, так это в том, что мы действительно находимся лишь в начале сложного этапа борьбы с новой угрозой безопасности. Безответственное бряцание оружием совершенно неуместно. Пацифизм бесполезен, ибо демонстрации гражданской активности способны воздействовать только на одну сторону конфликта — современные либерально-демократические государства. Террористические сети совершенно нечувствительны к активизму подобного рода. Между тем опасность не устранена и война не закончена. У этой войны не было явного, определенного начала, не будет, очевидно, и зре-

личного конца. Террористические сети – это не армии, а скорее идеологизированные транснациональное движения. Их разгром на поле брани невозможен. И борьба с ними потребует высочайшей интеллектуальной сосредоточенности, концентрации ресурсов и углубления взаимопонимания между руководителями ведущих государств мира.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- Кокошин А. А.* Политология и социология военной стратегии.
Кокошин А. А. О системно-структурном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям.
Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе.
Кокошин А. А. О политическом смысле победы в современной войне.
Кокошин А. А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной политике.
Кокошин А. А., Бозатуров А. Д. (отв. ред.) Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ.
Бозатуров А. Д. «Стратегия перемалывания» во внешней политике США.
Ушанов Ю. А., Цыгулев Д. Ю. Система управления государственными закупками в обеспечении национальной безопасности США.
Печуров С. Л. Англо-саксонская модель управления в военной сфере.
Наушкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов.
Фененко А. В. Понятие ядерной стабильности в современной политической теории.
Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность.
Петрищев В. Е. Заметки о терроризме.
Золотарев В. А. Проблема государственного управления военной сферой.
Зинченко А. В. Ядерная политика Франции.
Конопатов С. Н. Военно-политическая ситуация в современном мире: истоки, состояние, перспективы.
Бузалин А. В. Ренессанс социализма.
Бузалин А. В. Социальное освобождение и его друзья («Анти-Поппер»)
Бузалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.
Бузалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал.
Степанов Е. И. (ред.) Современная конфликтология в контексте культуры мира.
Степанов Е. И. (ред.) Конфликты в современной России.
Гвишиани Д. М. Мосты в будущее.
Субботин А. К. Границы рынка глобальных компаний.
Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции.
Хайтун С. Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции.
Вайдлих В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках.
Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. Новое 2-е издание.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (495) 135-42-16, 135-42-46
 или **электронной почтой** URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в **Интернет-магазине**: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

Об авторе

СОЛОВЬЕВ Эдуард Геннадьевич — кандидат политических наук, заведующий сектором теории политики, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. В 1990 г. с отличием окончил МГИАИ (ныне РГГУ), в 1991–1994 гг. — дневное отделение аспирантуры ИМЭМО РАН. В 1995 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата политических наук по специальности «Политические институты и процессы» (ИМЭМО РАН).

С ноября 1994 г. по настоящее время является сотрудником ИМЭМО РАН (последовательно — младший научный, научный, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник). С января 2006 г. — заведующий сектором теории политики. С ноября 2005 г. — ведущий научный сотрудник (по совместительству) ИАМП Дипломагической академии МИД РФ. За последние годы был участником и руководителем ряда исследовательских проектов РГНФ, МОНФ, фонда Сороса и др.

Сфера преимущественных научных интересов: теория международных отношений, история международных отношений, геополитика, современные международные отношения, политические режимы, политическая культура, политические идеологии. Автор более 50 научных публикаций, в числе которых 3 монографии, а также несколько энциклопедий, учебных пособий и более 40 глав монографий и статей в научной периодике, общим объемом более 80 п. л.

ДИСТРИБЬЮТОР НАУЧНОЙ	
И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Тел./факс: 7 (495) 135-42-16
	Тел./факс: 7 (495) 135-42-46
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru

3906	№ 36790
	
9 785971	000648 >